

ОПУБЛИКОВАТЬ СТАТЬЮ

в изданиях НИЦ "Социосфера"

[ПОДРОБНЕЕ](#)

СОЦИОСФЕРА

- *Российский научный журнал*
- *ISSN 2078-7081*
- *РИНЦ*
- *Публикуются статьи по социально-гуманитарным наукам*

PARADIGMATA POZNÁNÍ

- *Чешский научный журнал*
- *ISSN 2336-2642*
- *Публикуются статьи по социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам*

[ПОДРОБНЕЕ](#)

СБОРНИКИ КОНФЕРЕНЦИЙ

- *Широкий спектр тем международных конференций*
- *Издание сборника в Праге*
- *Публикуются материалы по информатике, истории, культурологии, медицине, педагогике, политологии, праву, психологии, религиоведению, социологии, технике, филологии, философии, экологии, экономике*

[ПОДРОБНЕЕ](#)

man life, the wonderful magic of emotions. In the prose of the writer, the true lines of the nation's spirituality and spirit are displayed. The contribution of the author's works to the development and fame of modern Uzbek literature is invaluable.

Bibliography

1. Normatov U. The magic of art. – Tashkent, “Sharq”. 2007. P. 208.
2. Karimov H. Literary portraits. – Tashkent, “Yangi nashr”. 2017. P. 287.
3. Rasulov A. Artistics is a non-stop news – Tashkent, “Sharq”. 2007. P. 286-287
4. Hoshimov U. There is a light, there is a shadow. – Tashkent. “Sharq”. 2017. P. 16. Upcoming quotes taken from this work will be given in brackets in next sentences.

О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АНТРОПОЛОГИИ Л. Н. ТОЛСТОГО И ЛУ СИНЯ

(на материале романа «Война и мир» и сборника «Блуждания»)

Р. Ф. Бекметов
Чэнь Сюэцин

*Доктор филологических наук, доцент,
магистрант,
Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия*

Summary. In the artistic systems of Leo Tolstoy and Lu Sin a prominent place is given to the image of person. Each of these writers describes it in their own way. If Leo Tolstoy is attracted by the physical aspect of human presence in the world, when hidden spiritual sensations are embodied in the play of external movements, facial expressions and gestures, then Lu Sin is primarily interested in the person in his abstract experience, which nevertheless does not exclude portrait characteristics. Lu Sin was greatly influenced by Russian classical literature. But his verbal and aesthetic psychologism includes, of course, national traditions.

Keywords: Russian literature; Chinese literature; Leo Tolstoy; Lu Sin; artistic (literary) anthropology.

В художественных системах Л. Н. Толстого и Лу Синя весьма заметное место занимают образы человека. В этом нет ничего удивительного: искусство, в том числе литература, глубоко антропологичны. В свете сказанного характерно то, как теоретики структурализма определяли понятие текста. Текстом, как известно, они считали любую «конструкцию», включающую смысловой элемент. Трактовка текста у них была предельно широкой: им мог быть локус природы, оставляющий по себе определенное впечатление, человеческая жизнь от рождения до смерти, произведение искусства, вызывающее ту или иную эмоцию, то или иное направление мыслительной реакции. В случае искусства подчеркнуто утверждалось, что текст коммуникативен: во-первых, он создается автором (совсем не важно – творческой личностью или коллективным способом, как это про-

исходит в фольклоре, бесписьменной литературе), то есть человеком; во-вторых, он исходно предназначен для читателя / слушателя / зрителя – человека, способного понять и оценить созданное в муках напряженных усилий; в-третьих, его внутренний мир связан с человеком. Краткая и емкая формула искусства в диалогическом измерении выглядит так: «человек – для человека – о человеке».

Русский и китайский писатели-классики изображали человека по-своему, в соответствии с собственными задачами литературного сочинительства.

В самом деле, Л. Н. Толстого привлекал «телесный», пластический аспект описаний. Об этом в толстоведении сказано достаточно (см.: [3]). Приведем один показательный пример из большого и разнообразного числа эпических эпизодов и картин.

В романе «Война и мир» имеется сцена посещения некоей дамы («высокой, полной, гордой») семьи Ростовых. После вежливого светского разговора наступило естественное молчание. Мать семейства, графиня, как пишет автор, «глядела на гостью, приятно улыбаясь, впрочем, не скрывая того, что не огорчится теперь нисколько, если гостя поднимется и уедет» [2, с. 46]. Перед нами – яркий образчик толстовского психологического повествования. Графине скучно вести пустую беседу с гостьей. Прямо и решительно сказать об этом она, конечно, не может, ибо, живя в обществе, человек подчиняется определенным моральным законам. Выразить явно, напрямую нежелание общаться с кем-либо – значит, не столько унижить другого, сколько продемонстрировать личную невоспитанность, а это недопустимо. Вместе с тем для Л. Н. Толстого важно указать на внутреннее состояние графини, и он прибегает к приему мимического порядка: она «улыбается», то есть отдает должное нормам социальных связей, и одновременно не скрывает того, что хотела бы сейчас остаться с семьей, без посторонних («не огорчится теперь нисколько»). Далее, дочь гостии стала оправлять платье, «вопросительно глядя на мать» [2, с. 46]. Это знак понимания ситуации, намек на то, что нужно покидать хозяйку. Момент тягостного молчания ознаменован неожиданным событием: в комнату после шума в детской (грохота нечаянно упавшего стула) с милым непрекращающимся смехом вбегает Наташа Ростова, тринадцатилетняя девочка. Л. Н. Толстой фиксирует детали ее портрета, призванные сакцентировать внимание на неказистости образа. «Черноглазая, с большим ртом, некрасивая, но живая девочка, с своими детскими открытыми плечиками» [2, с. 46]. Наташа – подросток, «гадкий утенок», которому предстоит превратиться в «белого лебедя». Подросток – не ребенок и не взрослый, он носитель «обещания». Отсюда – двойственно отношение к поступку Наташи: с одной стороны, если рассматривать его в ключе нелепого взрослого ребячества, то нарушение аристократических приличий (вбегание в гостиную без разрешения) носит однозначный характер и должно быть «наказано»; с другой стороны, если трактовать поступок в качестве невинной детской

шалости (детскость в поведении Наташи все же доминирует, свидетельством чего служит ее попытка преодолеть неловкость перед гостями, обрести защиту у родной матери: «вывернувшись от отца, она подбежала к матери и, не обращая никакого внимания на ее строгое замечание, спрятала свое раскрасневшееся лицо в кружевах материнской мантильи и засмеялась» [2, с. 46]), как проявление столь дорогой Л. Н. Толстому, высоко ценимой им «естественности», то никаких прямолинейных выводов здесь делать нельзя. Смех заразителен, в нем заложена огромная сила суггестивного воздействия, он есть форма проявления подлинного нравственного начала в человеке. Учтем и то, что Наташа как бы спасает ситуацию возникшего молчания, невольно помогает снять трудность общения. Закономерно, что когда Наташа «расхохоталась... громко и звонко», то все, «даже чопорная гостья, против воли засмеялись» [2, с. 46]. Ключевыми словами в данном описании являются «против воли». «Против воли» воплощается то, что природно, сообразно душе, первоначально, лежит в исконном «субстрате» духа и ждет часа своего выражения.

У Лу Синя подобной пластики нет, несмотря на то, что его проза испытала серьезное влияние русской классической литературы (прежде всего Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского). Лу Синя по преимуществу интересуется человек в его отвлеченном психологическом переживании, которое тем не менее не исключает лаконичных портретных характеристик, впрочем, довольно редких, несчастных. Стиль его сочинений – не размашистый, а сдержанный; основа сдержанности – как индивидуальная манера, так и общий китайский национальный менталитет, традиция, к которой принадлежал писатель по факту рождения и воспитания.

В сборнике «Блуждания» Лу Синь размышляет о счастье человека, о смыслах его безотрадного существования на земле. Его герой – «маленький человек», обвитый паутиной бесконечных обязанностей, порой надуманных. Окружающий мир его пугает, страшит, о чем он откровенно заявляет. В то же время о состоянии человека можно судить по опосредованным признакам, что до некоторой степени сближает Лу Синя и Л. Н. Толстого.

Так, в рассказе «Мыло» изображается сцена ужина в доме Сы-мина. Сы-мин – человек «правильных» убеждений, рачительный хозяин, заботливый отец семейства. Это его главенство отражено так: «В столовой зажгли лампу... В центре, занимая один целый край стола, восседал Сы-мин. Лицо у него было полное и круглое... В горячих парах капустного супа он походил на бога богатства в кумирне» [1, с. 205]. Сравнение с богом, ответственным за материальный достаток, делает Сы-мина односторонним, однобоким, с превалированием черты, ориентированной на стабильность жизни без динамики развития, духовных запросов. Сы-мин это чувствует сам, поэтому тоска и бесприютность – его неизменные ощущения.

В рассказе «Почтенный учитель Гао» дается представление о человеке, который живет прошлыми идеалами. Учитель Гао – схоласт и консерватор. Он старается держаться величественно, как подобает старому

образованному «вельможе», однако с горечью сознает, что учащиеся – молодое поколение – не относятся к его преподавательским приемам с необходимым почтением. В новых социально-исторических условиях Гао кажется смешным. «Гао вдруг почувствовал себя очень одиноким», – пишет Лу Синь и входит в подробности рефлексии персонажа. Разнородный мир сливается в глазах Гао в монолитное целое, которое вызывает страх непредсказуемостью. Лу Синь оперирует символическим образом моря перед штормом: «Не удержавшись, учитель поднял голову... Теперь класс был заполнен глазами и множеством маленьких треугольников с носиками посередине. Все они... напоминали таинственно волнующееся море, ослепившее его своей искрившейся поверхностью» [1, с. 230].

В рассказе «Одинокий» эта рефлексия получает продолжение в более расширительном контексте. Учитель Лянь-шу живет тяжело. Основная причина его одиночества – общественное мнение. Анонимные нападки в газетах, слухи, которые распространяются о нем в среде завистливых коллег, злонамеренные анекдоты – все это делает его существование невыносимым. Не находя возможностей исправить положение, герой уходит в мир абстрактных, мало и плохо связанных с реальной жизнью фантазий.

Подведем итоги. Человек – инвариантный фактор художественности, ее субъект и объект. Писатели используют множественные приемы, по-разному отображая человека. Л. Н. Толстой и Лу Синь – мастера психологической прозы. Однако если Л. Н. Толстой – художник гибкой телесно-духовной пластики, то Лу Синь – одномерно-социальных отношений.

Библиографический список

1. Лу Синь. Повести. Рассказы / пер. с китайского. – М.: Художественная литература, 1971. – 495 с.
2. Толстой Л.Н. Война и мир: том первый // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. – Т. IX. – М.: Художественная литература, 1937. – 482 с.
3. В мире Толстого. – М.: Советский писатель, 1978. – 528 с.

СРОЧНОЕ ИЗДАНИЕ МОНОГРАФИЙ И ДРУГИХ КНИГ

*Два места издания Чехия или Россия.
В выходных данных издания
будет значиться*

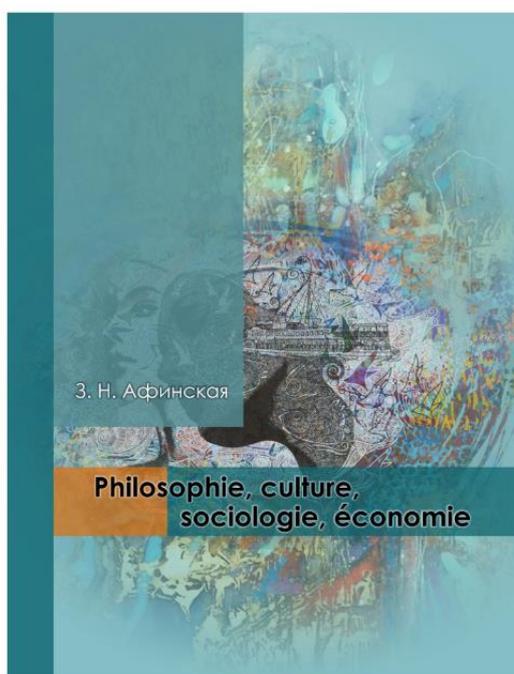
**Прага: Vědecko vydavatelské
centrum "Sociosféra-CZ"**

или

**Пенза: Научно-издательский
центр "Социосфера"**

РАССЧИТАТЬ СТОИМОСТЬ

- Корректурa текста
- Изготовление оригинал-макета
- Дизайн обложки
- Присвоение ISBN

У НАС ДЕШЕВЛЕ

- Печать тиража в типографии
- Обязательная рассылка
- Отсудка тиража автору